

Литература

- Вершинин К. В. Мерило Праведное как памятник древнерусской книжности и права. АКД. М., 2016.
Голубинский А. А. Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания. АКД. М., 2011.
Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). АКД. М., 2015.
Петров С. А. Рязанская земля во второй половине XIII – начале XV в.: отношения с Ордой и Москвой. АКД. Белгород, 2011.
Рукавишников А. В. Древнерусская знать домонгольского периода (историко-терминологическое исследование). АКД. М., 2005.
Усачев А. С. Древняя Русь в исторической мысли 60-х гг. XVI в. (Степенная книга). АКД. М., 2004.

Andrej S. Usachev
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

THE A. A. GORSKY'S ANNIVERSARY

The introduction to this special issue is devoted to the anniversary of famous historian-medievalist Anton A. Gorskiy. It tells about the stages of his life and academic activity. In the article the content of the main works of the scientist on the history of Old Rus' and on the source study reveals.

Keywords: Anton A. Gorskiy, scientific biography, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, source study, historiography, social and political history, Old Rus', Medieval Russia.

УДК 94 ББК 63.3(2)41 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.002

Ю. А. Артамонов
ИРИ РАН, ИВИ РАН, Москва, Россия. artamonov5@yandex.ru

ДВОЙНЫЕ МОНАСТЫРИ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Анализ летописных и агиографических источников приводит автора к выводу о существовании в Древней Руси двойных монастырей — обителей, в стенах которых сосуществовали мужская и женская иноческие общины. К числу таких монастырей есть основания относить Андреевский монастырь в Киеве (80-е годы XI в.), Успенский монастырь во Владимире (90-е годы XII в.), Спасо-Преображенский монастырь в Полоцке (20-е годы XII в.), монастырь св. Лазаря в Новгороде (конец XI в.). Высказывается мнение, что один из первых двойных монастырей на Руси — Андреевский — был организован по примеру монастыря Пантеопта (Христа Всевидающего) в Константинополе, созданного Анной Далассиной — матерью византийского императора Алексея I Комнина (1081—1118).

Ключевые слова: двойные монастыри, Андреевский монастырь в Киеве, Успенский монастырь во Владимире, Спасо-Преображенский монастырь в Полоцке, монастырь св. Лазаря в Новгороде, монастырь Пантеопта в Константинополе, киевский князь Всеволод Ярославич, Янка (Анна) Всеволодовна, Мария Шварновна, владимирский князь Всеволод Юрьевич, Евфросиния Полоцкая, Анна Далассина

Одним из наиболее влиятельных монастырей Древней Руси в конце XI — первой половине XIII в. был монастырь св. Андрея в Киеве. Об этом, в первую очередь, говорят упоминания его игуменов в числе участников значимых общественно-политических событий. Более того, есть основания полагать, что в иерархии княжеских монастырей столицы Андреевская община занимала ведущее место. Так, например, в перечне присутствующих на торжественном перенесении мощей князей-страстотерпцев Бориса и Глеба 1—2 мая 1115 г. в Вышгороде имя игумена «с(вя)тааго Андрея» Григория предшествует имени Феофила — настоятеля княжеского Дмитровского монастыря, несмотря на то, что последний был основан почти на два десятилетия раньше, на рубеже 50—60-х годов XI в.² Андреевский игумен назван первым в ряду настоятелей княжеских ктиорий — участников хиротонии ростовского епископа Кирилла, которая проходила 6 апреля 1231 г. под сводами Софийского собора в Киеве³.

На особое положение монастыря указывают и сообщения летописи о захоронении в его стенах представителей правящей династии. Известно, что 7 октября 1111 г. здесь была погребена вдова киевского князя Всеволода Ярославича (1078—1093), 3 ноября 1112 г. — его дочь Янка, 18 февраля 1139 г. — внук киевский князь Ярополк Владимирович (1132—1139), 15 февраля 1170 г. — правнук дорогобужский князь Владимир Андреевич (1150—1170,

¹ Автор выражает свою искреннюю благодарность А.А. Гишпиусу и А.С. Цзавелеву, которые помогли настоящей работе весьма ценными рекомендациями.

² «И митрополитъ Никифоръ събра вся епискоупы: и[с] Щернигова Феокиста, ис Переяслава Лазоря, Мину отъ Полотьска, Данила из Гургева; и игумены вся: Прохора Печерьскааго, Савоу с(вя)того Преображения, Силвестра с(вя)таго Михаила, Петра с(вя)тия Б(огороди)ца Лахернитиса, Григория с(вя)тааго Андрея и Феофила с(вя)тааго Дьмитриа и вся прочая преподобныя игумены...» (Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. С. 561). Что касается четырех других киевских монастырей, игумены которых названы первыми, — Печерского, Спасо-Преображенского, Выдубицкого и Кловского, то они были основаны монахами и к числу княжеских не относились.

³ ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 456—457.

с перерывами)⁴. Как видно, обитель выполняла функцию родового некрополя семьи Всеволода, что обеспечивало ей должное покровительство и содержание вплоть до середины XIII в.

Андреевский монастырь Всеволод основал, когда занимал главный стол Руси. В данном случае он следовал примеру предшественников, отца Ярослава Владимировича (1019–1054), построившего в Киеве обитель святого Георгия, и старших братьев — Изяслава (1054–1078, с перерывами) и Святослава (1073–1076): первый учредил монастырь в честь св. Дмитрия Солунского, а второй — в честь св. Симеона Столпника [Литвина, Успенский, с. 9–20]. Всеволод посвятил монастырь своему небесному покровителю — апостолу Андрею [Лихачев, с. 152–154; Янин, Гайдуков, с. 20–21, 114–115]. Известие о его создании читается в Ипатьевской летописи под 6594 (1086) г.: «Всеволодъ заложи цркъвь сѣго Андрѣя при Иванѣ прѣбѣномъ митрополитѣ . створи оу цркви тоя монастырь . в нем же постриже дщи его . дѣвою именемъ Янька . сия же Янка совокупивши черноризици многи . пребываше с ними . по монастырьскому чину»⁵.

Итак, согласно летописцу, в построенном Всеволодом монастыре приняла постриг его дочь Янка, стараниями которой здесь была образована женская иноческая община. Слова летописи «сия же Янка совокупивши черноризици многи . пребываше с ними . по монастырьскому чину» нужно понимать в том смысле, что княжна не просто собрала инокинь и жила среди них, а была главой общины⁶. На это, между прочим, указывает и второе название монастыря — «Янчин», которое фиксируется в летописных текстах XII в.⁷ Казалось бы, приведенных фактов достаточно, чтобы отнести Андреевскую обитель к категории женских. Однако такой вывод был бы преждевременным.

Проблема заключается в том, что в агиографических и летописных памятниках XII — начала XIII в. в качестве настоятелей «святого Андрея» упоминаются исключительно мужчины. Так, согласно показаниям источников, в 1115 и 1127 г. игуменом монастыря был Григорий⁸, в 1170 г. этот пост занимал Симеон⁹, а в 1231 г. — Семен¹⁰, именуемый в историографии Симеоном II [Карпов, с. 384–385]. Ни одного упоминания об андреевских игуменьях в древнерусских текстах нет.

Отмеченный случай не единственный в истории древнерусского иночества. С таким же «несогласием» источников мы сталкиваемся, когда обращаемся к ранней истории Успенского монастыря во Владимире. Обитель была основана в конце XII в. Марией Шварновной, супругой владимирского князя Всеволода Юрьевича (1176–1212). О ее учреждении Лаврентьевская летопись сообщает под 6708 (1199) г.: «Того^ж лѣтѣ . мѣця июлиа . въ . еі . на памя^т сѣго мѣка . Кюрика . и Оулиты . заложи блговѣрнии князь великий Всеволодъ . Гюргеви^т . цркъвь камену . во имя сѣое Бѣи . Оупенья . в монастыри княгининѣ . при блженѣмъ епѣтѣ . Иоанѣ»¹¹.

Что свидетельствует о наличии в Успенской обители женской общины? Во-первых, пострижение в ней самой Марии (2 марта 1205 г.)¹². Трудно представить, чтобы в качестве места принятия сана и последующего проживания для княгини был определен мужской монастырь. А во-вторых, указание на инокинь в числе тех, кто погребал и оплакивал Марию 19 марта 1205 г. Дело в том, что, перечисляя участников траурных мероприятий, летописцы, как правило, отмечали монахов. В данном же случае наряду с ними упомянуты и «черницы»: «Преставися блговѣрная великая княгини Всеволожая . имене^т Мрія . бывши въ мнишьскомъ чину . иі . дѣии . и положена бы^т в монастыри своемъ . в цркви сѣбя Бѣа . юже созда... и погребоша ю с рыдань^т и плач^т велики^т . ту сущю над нею князю великому и з дѣтми своими . и епѣтѣ . и игумени . и черныци . и черници . и мно^жство народа»¹³. И коль скоро хоронили княгиню в Успенской обители, то в указанных «черницах», прежде всего, нужно видеть здешних насельниц (что, конечно, не исключает участия в ее погребении инокинь из других монастырей Владимира).

В древнерусском летописании глава Успенского монастыря упоминается один раз. Рассказывая о трагических событиях 7 февраля 1237 г. во Владимире, когда в результате штурма город был взят и разграблен монголами, а его жители преданы смерти, хронист пишет: «И оубень бы^т Пахоми архимандритъ монастыра Ржѣтва сѣы Бѣа

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 362; М., 2001. Т. 2. Стб. 547–548.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 197.

⁶ Летописное «совокупивше» в данном случае означает «собрала и постригла». Ср.: в Сказании о начале Печерского монастыря под 6559 (1051) г.: «Феодосу же приемшию монастырь . поча имѣти въздержанье . и велико [по]щенье и млѣвы съ слезами . и совокуплати нача многи черноризици . и совокупи братѣв числомъ . р .» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 159–160); в Сказании о перенесении мощей преподобного Феодосия Печерского под 6599 (1091) г.: «Игумень и черноризици свѣтъ створше рѣша . не добро есть лежати . ѿѣю нашему . Феодосьеви кромѣ монастыра [и] цркве своея . понеже то естъ ѿсноваль цркъвь . и черноризици совокупилъ» (Там же. Стб. 209); в Житии Евфросинии Полоцкой: «Ты, Господи, призи на мя, на рабу Твою Евфросинию, и на рабыня Твоя сия, яже собрах въ имя Твое...» (Книга жыцій і хаджэняў: Пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. / Уклад., прадм. і камнтарыі А. Мельнікава. Мінск, 1994. С. 34).

⁷ В Ипатьевской летописи под 6639 (1131) г.: «Томъ же лѣ . сѣена бы^т цркви сѣго Андрѣя Яньчина монастыра» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294); в Лаврентьевской летописи под 6678 (1170) г.: «Преставися блгородный князь Володимерь . Андрѣевичъ . и положиша и оу ста^т Андрѣя в Киевѣ . въ Яньчинѣ монастыри» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 362). Определение обители по имени устройства и первого настоятеля засвидетельствовано древнерусскими источниками. Например, Спасо-Преображенский монастырь на Берестове современники называли «Германеч» в честь первого игумена и, вероятно, учредителя преподобного Германа; а Кловский Богородичный монастырь — «Стефанеч» по имени его основателя и первого игумена Стефана, в прошлом настоятеля Киево-Печерской обители.

⁸ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. С. 169; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 291.

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 546.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456–457.

¹¹ Там же. Стб. 415.

¹² Там же. Стб. 424.

¹³ Там же. Стб. 425.

да игумень Оуспеньскыи . Феодосии Сѣбьскыи . и прочии игумени . и черньци . и черници . и попы и дьяконы . ѿ оуного и до старца . и сущаго младенца»¹⁴. Вне зависимости от интерпретации настоящего известия, а именно: совмещал ли Пахомий руководство Рождественским и Успенским монастырями (оба были княжескими), или же летописец попросту не указал имя успенского игумена, ясно одно — главой обители в 1237 г. был мужчина.

подавляющее большинство исследователей не обращали внимания на отмеченные «несогласия». Митрополит Макарий был, пожалуй, первым, кто попытался примирить известия о формировании при соборе св. Андрея женской монашеской общины под управлением Янки с показаниями источников об андреевских игуменах. Он предложил два возможных варианта решения проблемы: после смерти Янки монастырь был либо преобразован в мужскую обитель, либо передан ведению настоятелей-мужчин, которые совершали в нем церковные службы [Макарий, кн. II, с. 172]. Первое суждение не лишено смысла. Практика трансформаций женских обителей в мужские и наоборот хорошо известна на более позднем материале¹⁵. Наверное, поэтому данное предположение Макария получило признание в литературе [Синицына, с. 306].

Однако с этим мнением не согласился Я. Н. Цапов: «Предполагать превращение женского монастыря в мужской после смерти Янки мало оснований; кроме нее в нем должны были жить и другие женщины» [Цапов, с. 138]. Развивая гипотезу Макария о настоятелях-мужчинах, он предположил, что Андреевская обитель могла быть «общим монастырем», «где игуменами оставались монахи-мужчины, но были женские кельи наряду с мужскими» [Цапов, с. 138]. К сожалению, это наблюдение не получило должного обоснования и развития. Между тем сосуществование в рамках одного монастырского комплекса мужской и женской общин — явление, хорошо известное в истории Византийской церкви под названием «двойной монастырь».

Возникновение двойных монастырей относится к первым векам распространения христианства. Тогда они преимущественно учреждались членами одной семьи, которые жили в них в качестве насельников. Такие обители, часто представлявшие собой обычный дом, до VI в. были распространены в Египте, Палестине, Сирии, а также в Малой Азии. Попытки светской и церковной властей положить конец их существованию успехом не увенчались. С VII в. двойные монастыри появляются в окрестностях Константинополя, а затем в самой столице и на Балканах. И если в предшествующий период они носили в основном сельский характер, то теперь местом их учреждения становятся города. Аристократическое происхождение ктиторов позволило некоторым двойным монастырям играть заметную роль в общественно-политической жизни Восточно-Римской империи. Монахи и монахини двойных монастырей, как правило, проживали в отдельных помещениях и отдельно подвизались, но у них было общее устройство, имущество и один настоятель [Соколов, с. 289; Mitsiou, s. 334–336].

Полагаю, что эта форма организации иноческой жизни получила известное распространение и на Руси. Причем здесь, как и в Византии, во главе двойных монастырей могли стоять не только мужчины, но и женщины. Ярким примером тому может служить Спасо-Преображенская обитель в Полоцке. Ее основательницей была дочь полоцкого князя Святослава Всеславича Предслава, принявшая монашеский сан в возрасте 12 лет под именем Евфросиния.

Согласно Житию, княжна-инокиня сначала подвизалась в месте своего пострижения — полоцком женском монастыре, где настоятельницей была ее тетка, вдова князя Романа Всеславича, а затем с разрешения епископа Илья поселилась в келью при кафедральном соборе св. Софии. Около 1127–1128 г. Илья передал Евфросинии местечко в пригороде Полоцка, называемое Сельцо, где уже существовала небольшая деревянная церковь св. Спаса. Здесь усилиями преподобной была создана женская монашеская община, а вместо деревянной церкви возведен каменный храм. Когда обитель была полностью обустроена, Евфросиния задумала возвести второй каменный храм в честь св. Богородицы, который по завершении всех работ передала монахам: «Видевши же преподобная Евфросиния монастырь свой украшен и всего блага исполнен, умысли создати вторую церковь камену святых Богородицы. И ту свершивши и иконами украси и освятивши, предаст ю мнихом, и бысть монастырь велий»¹⁶. Некоторое время спустя Евфросиния задумала посетить Иерусалим и поклониться его святыням. В преддверии совершения этого паломничества она, согласно Житию, «положивши великое устройство обема монастырема, братии и сестрам, и даст дръжати и рядити сестре своей Евдокеи оба монастыря»¹⁷.

Очевидно, что «великим монастырем» агиограф называет мужскую и женскую общины, каждая из которых имела свой кафоликон: инокини молились в соборе св. Спаса, а иноки — в соборе св. Богородицы. Но при этом обе общины жили по единым правилам («великому устройению») и управлялись одним человеком. Сначала монастырем руководила сама Евфросиния, а после ее отъезда в Святую Землю власть перешла к Евдокии. Обозначенные признаки свидетельствуют о том, что Спасо-Преображенский монастырь сформировался как двойной монастырь.

К этой же категории обителей можно отнести и монастырь св. Лазаря в Новгороде, который располагался по соседству с Неревским концом Софийской стороны. На основании изучения комплекса пергаменных книг XI–XII в., каждая из которых содержит помету «книга Лазорева», В. Я. Янин отнес его возникновение ко времени не позже конца XI столетия [Янин, с. 53, 56]. В свою очередь, палеографический анализ этих рукописей позволил

¹⁴ Там же. Стб. 464–465.

¹⁵ По данным Макария, в период с 1448 по 1589 г. семь монастырей были преобразованы из мужских в женские, а один — из женского в мужской [Макарий, кн. IV, ч. 2, с. 359–385]. Но совершенно очевидно, что эти данные не могут считаться исчерпывающе полными.

¹⁶ Книга жыцій і хаджэнняў. С. 35.

¹⁷ Там же. С. 37.

Л. В. Столяровой сделать вывод, что «общее число писцов, работавших в скриптории новгородского Лазарева монастыря на рубеже XI–XII вв.» составляло 12 человек. Из них точно известны имена четверых: Домка (Яков), Городен, Матфей и Лаврентий. Имена еще двух остаются под вопросом (Михаил-Бельна и Бестрой), а шестерых не известны [Столярова, 1998, с. 200]. Записи, оставленные писцами на листах книг, говорят об их принадлежности к лицам духовного звания. Причем одна из них свидетельствует о том, что, по крайней мере, двое — Матфей и Лаврентий — были монахами. Приведем ее текст полностью: «Азъ, грѣшныи Матфѣи, начахъ писати кнѣигы сия, а Лавренти до коньца. Не азъ бо своею худост[и]ю написахъ и братъ, нъ силою с(вя)тѣя Тр(ои)ца [ш](т)ца и С(ы)на и С(вя)т(о)го Д(у)ха і ныня и присно и въ вѣкы вѣмъ, аминь. Игуменія повелѣниемъ, а с(вя)тѣмъ Лазарьм м(о)л(и)т[в]а[ми]...» [Столярова, 2000, с. 33]. Обращает на себя внимание не только слово «брат», которое здесь, как справедливо отметила Л. В. Столярова, использовано в «монашеском смысле» [Столярова, 1998, с. 202]¹⁸, но и заключение «написахъ... игуменія повелѣниемъ, а с(вя)тѣмъ Лазарьм м(о)л(и)т[в]а[ми]...». Данная фраза дает понять, что Матфей и Лаврентий работали над рукописью по распоряжению настоятельницы Лазарева монастыря — неизвестной по имени игуменьи. А это служит основанием для предположения, что в обители проживали мужская и женская монашеские общины, которое находит свое подтверждение в известии 6875 (1367) г. Эрмитажного списка Московского летописного свода конца XV в.: «...Того же лѣта июля въ 23 бысть громъ страшень и избии новгородцевъ в церкви в святомъ Лазори, черньцевъ и черницъ, на вечерни...»¹⁹. Как можно видеть, монахи и монахини Лазарева монастыря, в отличие от насельников и насельниц Спасо-Преображенской обители в Полоцке, совершали совместное богослужение.

Есть основания полагать, что при организации одного из первых двойных монастырей Древней Руси — Андреевской обители — был использован не абстрактный опыт Византийской церкви, а пример вполне конкретного монастыря. Период становления монастыря Всеволода в Киеве по времени совпал с расцветом монастыря Пантеопта (Христа Всевидящего) в Константинополе, ктитором которого была Анна Далассина (1025–1102) — жена византийского военачальника Иоанна Комнина, родного брата византийского императора Исаака Комнина (1057–1059).

По общему признанию современников, именно Анна сыграла ключевую роль в перевороте 1 апреля 1081 г., в результате которого к власти пришел ее сын Алексей Комнин (1081–1118). Она в течение, по крайней мере, 15 лет управляла страной. Причем эта власть была передана ей *de jure* в августе 1081 г. специальным императорским хрисовулом. Внучка Анны Далассины, дочь Алексея — Анна Комнина — сообщает, что бабушка располагала всей полнотой государственной власти за исключением военной: отец, по ее мнению, «обладал только внешними признаками власти, она — самой властью»²⁰. При этом Анна Далассина была очень набожным человеком. На коронации сына она появилась в черных монашеских одеждах. При ней изменился быт дворца, который стал походить на монастырь. Мать императора никогда не садилась обедать без монахов, им она оказывала особое гостеприимство. Есть все основания считать, что Анна Далассина была монахиней. На это указывает надпись на ее печатях — «Господи, защити Анну Далассину, монахиню, мать императора» [Garland], а также свидетельство Анны Комнины, которая прямо пишет, что «занимаясь управлением государства, она нисколько не пренебрегала монашескими занятиями и большую часть ночи пела священные гимны, истощая себя бодрствованием и усердной молитвой»²¹. Когда Анна Далассина основала монастырь Пантеопта, точно не известно. Но известно, что уже в июне 1087 г. он получил земельные пожалования. Это был двойной монастырь, поскольку здесь проживали и иноки, и инокини [Соколов, с. 289].

В 1089 г. Анна Далассина должна была принимать в Константинополе дочь Всеволода Янку, которая, как отмечается в летописи, отправилась в столицу Византии за новым для Руси митрополитом²². С высокой долей вероятности можно полагать, что в ходе этой поездки расположенная к монашеству русская княжна посетила обитель Пантеопта. А значит, один из первых двойных монастырей на Руси — Андреевский — мог быть организован по примеру ктитории «матери Комнинов» — Анны Далассины.

Литература

- Карпов А. Ю. Русская Церковь X–XIII вв. Биографический словарь. М., 2016.
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010.
Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. I.
Макарий, митр. Московский и Коломенский. История Русской церкви. М., 1995. Кн. II; Кн. IV. Ч. 2.
Синицына Н. В. Русское монашество и монастыри. X–XVII вв. // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 305–324.
Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204): Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003.

¹⁸ По мнению В. Я. Янина, Матфей мог назвать Лаврентия «братом» потому, что они были, «например, попом и дьяконом соборной монастырской церкви» [Янин, с. 56].

¹⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 349.

²⁰ «Она издавала законы, распоряжалась и управляла всем, а он лишь утверждал ее письменные и устные распоряжения, первые — рукой, вторые — голосом; он был для нее, как говорится, инструментом власти, а не самим властителем» (Анна Комнина. Алексиада / Вступ. статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского; отв. редактор А. П. Каждан. М., 1965. С. 33).

²¹ Анна Комнина. Алексиада. С. 33.

²² «В се лѣто иде Янъка [в Грекы дщи] Всеволожа... [и] приведе Янка митрополита . Івана скопчину егоже [видѣвше] люде вси рекоша . се навье пришель . ѿ года бо до года пребывъ оумре...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208).

- Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
- Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.
- Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Янин В. Л. Новгородский скрипторий XI–XII вв. Лазарев монастырь // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 52–63.
- Янин В. Л., Гайдук П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.
- Garland L. Anna Dalassena, Mother of Alexius I Comnenus (1081–1118) [Электронный ресурс]. URL: www.roman-emperors.org/annadal.htm (дата обращения: 20.12.2018).
- Mitsiou E. Frauen als Gründerinnen von Doppelklöstern im Byzantinischen Reich // Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. 2011/2012. Bd. LX/LXI. S. 333–343.

Yury A. Artamonov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

“DOUBLE MONASTERIES” IN OLD RUS’

The analysis of annals and hagiography leads the author to the conclusion that there were “double monasteries” in Old Rus’: houses in which communities of monks and nuns coexisted. Such houses included: the Monastery of St. Andrew in Kiev (the 1080s), the Dormition Monastery in Vladimir (the 1090s), the Transfiguration Monastery in Polotsk (the 1120s), the Monastery of St. Lazar in Novgorod (the late 11th century). The author argues that one of the earliest “double monasteries” of Rus’, the Monastery of St. Andrew in Kiev, followed the model of the Monastery of Christ Pantepotes in Constantinople founded by Anna Dalassene, the mother of Byzantine emperor Alexios I Comnenus (1081–1118).

Keywords: “double monasteries”, St. Andrew Monastery in Kiev, Dormition Monastery in Vladimir, Transfiguration Monastery in Polotsk, St. Lazar Monastery in Novgorod, Monastery of Christ Pantepotes in Constantinople, Prince Vsevolod Yaroslavich of Kiev, Yanka (Anna) Vsevolodovna, Maria Shvarnovna, Prince Vsevolod Yurievich of Vladimir, St. Euphrosene of Polotsk, Anna Dalassene

УДК 94(47) ББК 63.3(2)4 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.003

К. В. Вершинин (versh-kv@yandex.ru), М. Ю. Андрейчева (anuta.andr@gmail.com)
ИРИ РАН, Москва, Россия

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЭТНОГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ (ЧАСТЬ 1)

Статья вводит в научный оборот ранее не исследованный памятник древнерусской книжности — анонимный текст, который предлагается, исходя из содержания, называть этногенеалогическим трактатом. Памятник известен авторам по Великим Минеям Четым митрополита Макария, еще двум спискам XVII в. и двум отрывкам начала XV и XVII в. Основу текста составляет толкование на Пс 82, переключаясь с содержанием статьи 6604 (1096) г. Повести временных лет. В первой части статьи представлено издание памятника и археографический комментарий. Сделан вывод, что полные списки трактата включают позднейшие добавления. Реконструирован первоначальный вид памятника. Подробное исследование текста предполагается во второй части статьи.

Ключевые слова: этногенеалогия, Повесть временных лет, Псалом 82, Великие Минеи Четвы, древнерусская книжность

В августовском томе Великих Миней Четых, под 31 числом, читается весьма любопытный анонимный текст, посвященный «происхождению различных народов от Авраама и Лота» [Иосиф, с. 466]. В соответствии с содержанием мы будем называть его этногенеалогическим трактатом (далее — ЭТ). Будучи отмечен в описании архимандрита Иосифа, ЭТ до сих пор не становился объектом специального исследования. Ниже мы будем, в отличие от Иосифа (описавшего Успенский список ВМЧ), пользоваться томом из Софийского комплекта — РГАДА. Ф. 201. Рукописное собрание М. А. Оболенского. Оп. 1. № 161 (далее — О). Фрагмент того же текста, как оказалось, процитировал А. А. Цеханович по сборнику отрывков XVII в. РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1560 (далее — П; см.: [Цеханович, с. 30]), но без каких-либо археографических комментариев¹. Дополнительные разыскания выявили еще один список XVII в. — в сборнике РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского. № 626 (далее — Ун)², а также два отрывка — при азбуковнике XVII в. ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 25 (4^о) (далее — Ув) и в книге «Кааф» 1414/1415 г. ГИМ. Музейское собр. № 4034 (далее — М), архаический состав которой сам по себе свидетельствует о древности найденного текста³. ЭТ содержит параллели с русскими памятниками XII–XIII в., позволяющие с большой вероятностью признать и его сочинением домонгольской эпохи.

Основу ЭТ составляет толкование на Пс 82, что переключается с содержанием Повести временных лет, а

¹ На примере этого источника исследователь продемонстрировал, что Галатию в Средневековье нередко путали с другими географическими областями.

² В списках О и П текст помещен среди антилатинских статей (общими для рукописей являются трактат Никиты Стифата «Об опресноках» и «Написание на латину» киевского митрополита Никифора); в списке Ун — после не учтенного в литературе списка «Пророчества Соломона» (о памятнике см.: [Водолазкин, с. 293–311]).

³ О книге «Кааф» см.: [Турилов, 2012а].

